

СОДЕРЖАНИЕ

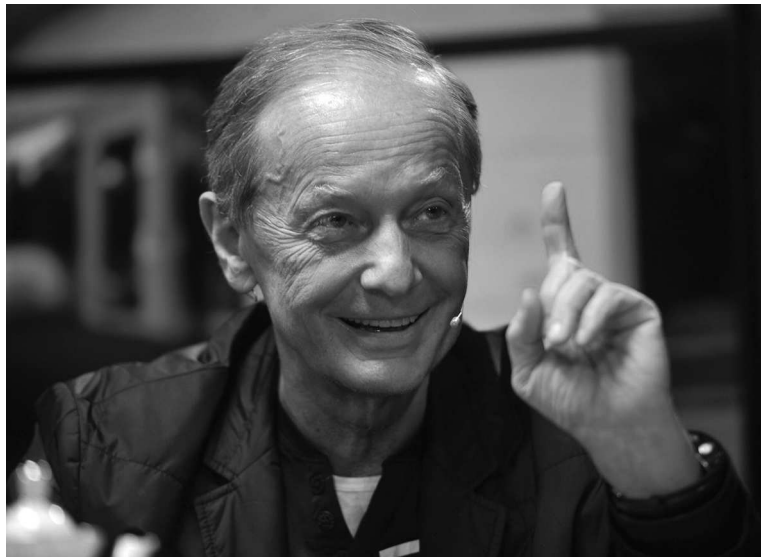
Неразгаданный Задорнов. <i>Сергей Алдонин</i>	6
Путь к истории	12
На экране — князь Рюрик	75
На острове Буяне	128
Царствуй лёжа на боку!	152
Объединённая Европа против России	173
Загадки Фёдора Кузьмича	197
Бывают ли цари освободителями?	219
О законах природы или Широкая Масленица	227
Водка, которая нам почти чужда	239
Тайна Вещего Задорнова. <i>Геннадий Жигарев</i>	247

НЕРАЗГАДАНЫЙ ЗАДОРНОВ

Кем он был, Михаил Николаевич Задорнов, человек, который умел удивлять, умел приходить на помощь, но главную его черту я бы определил коротким словом «талант».

Михаил Николаевич Задорнов останется в памяти бегущим, летящим. Вечная спешка! Вот уж кто не ведал праздности. Просто убегал от неё. Его разрывали замыслы, рукописи, встречи, интернет-подначки, наконец, концерты, гастроли, книги...

Он жил делами послезавтрашнего дня и потому редко опаздывал. Ведь и шутка, и афоризм хороши ко времени.

Михаил Задорнов

Тут важно вырваться вперёд. Победитель получает всё. Его победы уже вошли в русскую речь, добавили ей сарказма, вооружили нас новыми каламбурами и притчами. Продолжатель своего отца, Николая Павловича Задорнова, он не мог себя представить вне истории, вне прошлого. Отца он вспоминал в каждом разговоре. От отца — и понимание русского пространства, и рачительное отношение к своей стране.

Иногда он превращался в варяга из рюриковой дружины, иногда — в книжника, который постиг алхимию языка. Это театр Михаила Задорнова. Скучно жить без перевоплощений. Одно ампула, один краткий земной срок — этого мало. Он менял маски, постоянно устраивал мистификации. Они начинались ещё до порога, до станиславской вешалки. На автоответчике телефона, в слухах, которые бежали впереди него. Но при всём своём натренированном лицедействе слову, честному слову Михаил Задорнов не изменял.

Он говорил, что сожалеет о некоторых своих репризах времён поздней перестройки. «Мы невольно приблизили распад Союза, многих людей настроили не только против власти, но и против страны. Это было помрачение умов. Захлестнул азарт. Мы ловили успех и не думали, что всё обрушится». Эти слова он повторял часто, на разные лады. Это сидело в нём. Вообще-то сатирик не обязан быть охранителем. Но он раскаивался — один из немногих среди властителей перестроечных дум. Задорнов умел и раскаиваться, и сочувствовать.

И в этом не было кокетства. Задорнов жил между Ригой и Москвой и хорошо понимал, как мы ограбили себя, когда не уберегли Советский Союз. При Ельцине он мог стать придворным острословом с гарантированным ангажемен-

том. Но его шутки в 90-е становились всё горше, а политические оценки — резче. Задорнов стал невыносимым для власти. У него и в постсоветское время насчитывались десятки «непроходных», полузапретных миниатюр. Задорнов дорожил «самостоянием человека». Он и памятник отцу на Амуре поставил, не дожидаясь бюрократического одобрения. Ведь Амур — река русская и задорновская.

Он не участвовал в политических кампаниях, не кричал: «Голосуй или проиграешь», хотя это дельце выгодное, а Задорнов мог бы стать козырным тузом в любой колоде. Но его мутило от «административного восторга». Он не записался в отряд политического «бригадила». Погнулся.

Зато именно Михал Николаич много лет задавал тон нашим представлениям обо всём на свете, начиная с высоких материй и «далее со всеми остановками», вплоть до шпингалетов, которые ввинчены не с той стороны. Ему верили. Даже в последние годы, когда доверие в таком дефиците, что куда там американским джинсам 70-х годов! Подхватывали его шутки, считывали намёки, когда он держал паузу. Он верил в фольклор. В народную стихию, которая сохраняет всё лучшее, отбрасывая шелуху. И в литературе высоко ценил именно фольклорное начало. Легенды, сказки, пословицы — наверное, это и есть бессмертие. А Задорнов блёсток рассыпал немало, многое останется в поговорках, в анекдотах. Лучшей участи и не нужно.

В его болезнь невозможно было поверить. Да и сейчас не верится. Может быть, он тайком отправился в далёкое путешествие на варяжской ладье — энергичный, поджарый, а мы устроили панихиду. Задорнову всегда есть куда плыть. Я помню наш последний разговор — по телефону. Он позвонил, поймав меня где-то в дороге, под трели

трамвая. Мы говорили о документальном сериале, посвященном династии Романовых. Эти фильмы не напоминали бы его громко прозвучавшие ленты-монологи о Рюрике и Вещем Олеге. Другая стилистика, другая проблематика, более основательная историческая основа, множество свидетельств, дискуссия на экране. А еще — археология, музеи отечественные и не только, актерские эпизоды. И, конечно, гипотезы — самые неожиданные, смелые. Его всегда интересовали новые ракурсы. Без штампов, без закоряченнейшего консерватизма.

Михаил Николаевич с жаром рассказывал, что добился, чтобы в Петропавловском соборе перед нами открыли захоронения Александра I. Мы хотели подробно рассказать про легенду о Фёдоре Кузьмиче. Интересную серию мы задумали о 1812 годе и о Священном союзе, который вымечтал Александр I. И вообще, это был бы необычный сериал. С одной стороны — исторически выверенный, с другой — собрание легенд. И без всякого модного нынче пиетета перед коронованными особами. Этого подобострастия не было ни у Задорнова, ни у автора эти строк. Это был наш главный принцип — противостоять фальшивому, слащавому и в значительной степени обманному монархизму, который в то время входил в моду.

И многое у нас уже было готово. Только Михаил Николаевич сказал, что уезжает на пару месяцев отдохнуть от гастрольной круговерти. Вот вернется — и поработаем. А потом его телефон замолчал. Переутомление оказалось жестокой болезнью, которую он не поборол. Впервые в жизни не вышел победителем из схватки. Но не проходит дня, чтобы мы его не вспоминали. Остролова, выдумщика, патриота, радетеля за историю, наконец, благородного человека, который бескорыстно помогал стольким спо-

собным людям... И была в нем человеческая тайна, разгадать которую невозможно, да и не нужно разгадывать. Всё осталось в его словах и поступках. В его артистизме и принципиальности.

К Задорнову-историку принято относиться снисходительно. Вообще-то историком он не был. И сам себя таковым не считал. Но во все времена роль популяризатора была и остается уважаемой среди настоящих ученых. А в наше время, когда пропаганда затмила собой почти всё — особенно. А у Задорнова было, как минимум, три ценнейших качества: он всегда был пытлив и любознателен как мальчишка; он не стеснялся признавать своих ошибок и учиться; он был непритворным патриотом и «болел» за нашу страну. Добавим литературный и артистический талант, который помогал ему превращать свои мысли в мысли миллионов людей. Ведь он на эстрадных концертах цитировал Иловайского, Рыбакова... Думаю, многие с подачи Михаила Задорнова начинали читать выдающихся историков. Нельзя не отметить и его отношение к фольклору. Тут уж сказанся литературный талант, писательская проницательность. Он знал, что легенды — это сокровищница знаний об истории. И часто обращался к ним. Увы, полёт писателя оборвался неожиданно, он не успел написать своих главных книг, снять свои лучшие фильмы. Но и то наследие, которое Задорнов нам оставил, огромно. От юмористических скетчей до рассуждений о языке и религии. В этой книге мы собрали интервью, которые дал Михаил Николаевич в XXI веке, когда увлечение историей и языкознанием стало одним из смыслов его жизни. Здесь — и рассуждения о его любимых героях древности, и беседы о крупных политиках XIX века, которые

тоже входили в круг интересов писателя. Разговаривали мы и о совсем недавних временах, которые Михаил Николаевич знал не по архивам...

Слава не превратила Михаила Задорнова в прижизненный памятник самому себе. Памятники впереди. А он ещё живой.

Сергей Алдонин

ПУТЬ К ИСТОРИИ

— Михаил Николаевич! В последние годы вы всё чаще выступаете в роли историка...

— Историка-любителя среди профессионалов.

— Вот именно. Но вам многое удалось всколыхнуть. А с чего начался ваш интерес к прошлому, к исторической науке?

— В какой-то момент я понял, что контроль над прошлым дает власть над умами. И мы — люди, которые собираются жить в России и любят свою Родину — ее напрочь потеряли. Причем, давным-давно. Каждый не любит, ког-

Михаил Задорнов

да его обманывают. Когда обманывают целый народ — это совсем неприятно. Но дело даже не в правдолюбии. Я считаю, что мы не можем нормально развиваться, пока не разберемся в прошлом. Давайте вспомним горбачевскую перестройку. Я ведь, к сожалению, принял в ней посильное участие. О чем тогда писали больше всего — особенно на первых порах?

— **Об истории, о прошлом, о сталинских временах.**

— Именно! Идеологи, перед которыми стояла задача уничтожения страны, не были дурачками и прекрасно понимали, с чего нужно начинать. До Перестройки почти весь советский народ считал революцию великим мировым свершением, Ленина — героическим вождем, а нашу страну — самой справедливой в мире. Конечно, были диссиденты и вольнодумцы, как везде и всегда. Но их у нас было меньше, чем, например, в Америке. А где-нибудь в Хабаровске за антисоветские речи могли и по шее дать. И не по разнарядке, не по комсомольскому приказу, а просто от души. Это я не фантазирую, а просто вспоминаю те времена и города, в которых мне довелось побывать. Круг недовольных и не веривших в советскую версию истории XX века был таким узким, что его и в бинокль трудно было разглядеть. Диссиденты не смогли даже легонько поколебать советскую систему. Всё сделали мы сами, по глупости и по отмашке ЦК КПСС и ее вождя Михаила Горбачева, который, на мой взгляд, сам не понимал, что делает.

— **Вы не верите, что он был шпионом или заговорщиком?**

— Не просто не верю, а уверен, что в жизни всё и проще, и сложнее. Особенно в современной политике. Его поймали на удочку всемирной любви. А стратегии развития страны у него не было. Зато он дал отмашку, что не

только можно, но и нужно очернять нашу историю, вплоть до героических страниц Великой Отечественной войны. И началось. Летал ли Гагарин? Совершила ли подвиг Зоя Космодемьянская? Так ли умен был Ленин? Во всем стали сомневаться — и писать на эти тему статьи. Их охотно публиковали, а люди читали и удивлялись. Ведь раньше такой войны против святынь и представить было нельзя. Поэтому эта волна быстро (хотя и ненадолго) стала чертовски популярной. Я тоже этим пользовался — правда, редко писал тогда об истории. Но на темы, которые прежде считались запретными, конечно, писал. И по реакции публики чувствовал, что попадал в нерв. Но так можно расшатать любую систему, начиная с американской. Везде есть свои табу и свои святыни. И, когда начинаешь их оплевывать и это разрешают сверху — народ какое-то время проявляет к этому восторженный интерес. Потом, между прочим, интерес сменился презрением.

— **Так было на вашей памяти?**

— Конечно. Можно вспоминать буквально по годам. 1988 год — в ходу злые шутки о дефиците, о сталинской системе, о Брежневе. Все это пользуется сенсационным успехом. Уж поверьте. О Горбачеве если и шутят, то с уважением, по-доброму. 1989 год — шутки становятся еще свободнее. Уже возможны издевательства над почти любыми советскими святынями. Возможна стала и едкая ирония по адресу самого главного перестройщика Горбачева. Начались пародии на него. Я тоже принял в этом участие. Все это усугубилось в 1990 году. И добавился фактор, если выражаться научно, антиленинизма. А точнее — высмеивание Ленина и революции. Тут уж нужно было втолковать аудитории, что всё было зря, все 70 лет советской власти. Это в то время вызывало самую мощную реакцию: восторг

пополам со страхом. Мол, вот мы смелые какие, сатирики. А в 1991 очень многое изменилось. Да, сатира оставалась популярной, мы набрали широкую известность, нас ждали. Но уже не считали за «властителей дум». И критика советской системы уже проходила не так ярко. А в 1992 году рассказывать о советских «ужасах» так, как мы это делали в 1990-м, было уже просто самоубийством. В народе уже произошел раскол на «своих» и «чужих». Чужими считали богатое ворье, новых русских. К ним примыкали, в воображении нашей аудитории, многие артисты и писатели.

— **Это было справедливо?**

— Известным людям было чуточку легче адаптироваться к развалу 1991—92 годов. По крайней мере, мы не голодали. Хотя деньги, заработанные в предыдущие годы, у многих пропали. Впрочем, это не главное. Но я сразу почувствовал, что старые темы не срабатывают, они вызывают отторжение даже, если публика пришла на тебя, если она изначально по-доброму к тебе настроена. Вы знаете, что из-за этого Геннадий Хазанов — популярный, уважаемый артист — ушел с эстрады?

— **Расскажите.**

— Он по-прежнему толкал свои «антисоветские» монологи, которые писали для него Аркадий Хайт, Лион Измайлов, Виктор Шендерович, другие авторы. Кстати, я для него никогда не писал, но речь не об этом. А тут еще и пару раз Хазанов появился рядом с Ельциным, в его компании. И, если я не ошибаюсь, рядом с Гайдаром. И дал понять, что он именно по ту сторону баррикад. Не знаю, прав ли он был по-человечески, не мне судить. Но как актер эстрады, он сильно прогадал. Публика его просто перестала воспринимать. Он выходил — а его освистывали. В каких-то городах буквально выгоняли со сцены. Срывали на нем

гражданский гнев. Хотелось выгнать Ельцина или Гайдара — а попался Хазанов. Ведь до этого он был фантастически популярен. Почти на уровне Райкина, Магомаева, Пугачевой. Его любили, ждали, он всегда выступал в переполненных залах, его на руках носили. Вполне заслуженная слава. И все изменилось в один миг. В один год. Вместе с шоковой терапией. Кстати, с тех пор Хазанов совсем не выступает на эстраде. Только на юбилеях выступает, а с эстрадой завязал. Даже, возглавив театр Эстрады, он дает там драматические спектакли, не эстрадные. Вот так артист обиделся на жанр, обиделся на эстрадную публику. А нужен был величайший такт, чтобы понять, что людям тяжело, что они ждут от сатиры не сервильности. Что новая власть для них уже — враг. Я тоже это прочувствовал, но не обиделся на публику, а перестроил свой репертуар и даже стиль. Я стал касаться тех тем, которые волновали людей в 1992-м, в 1993-м. И они, я надеюсь, не считали меня каким-то эмиссаром власти. Тем более, что я был искренен. Какое-то время в 1991 году я считал Ельцина оптимальным для России политиком на тот момент. Хотя горячим его поклонником не был никогда, видел какие-то недостатки. А гайдаровские реформы не принимал никогда. Сначала отнесся к ним с опаской, потом понял, что это просто уничтожение всего лучшего, что было в стране. И разочаровался в новой власти всерьез — уже в середине 1992 года. Это хорошо легло на настроения публики и позволило мне остаться на сцене. А иначе бы народ меня просто выгнал с эстрады. Вот так все изменилось за несколько лет. Сейчас тоже нужен другой юмор, чем и в 1989, и в 1992 году. Другой! В том числе нужна политическая сатира и, возможно, скоро начнется ее время, ее новый виток развития.

— **Попомню ваши слова через несколько лет.**

— Замётано. Страна несколько устала от идиллии. А через несколько лет это усугубится. Поверьте, снова будут ждать суровой критики. Важно только не трогать историю, народ и его святыни. Этого делать нельзя. Сатира не должна быть разрушительной, хотя ломать, конечно, легче, чем строить. Этому нас в школе учили. В нынешних соросовских школах, наверное, учат другому. Каким-нибудь американским премудростям. И это, надо сказать, отвратительно. Наша система образования была уж точно одной из лучших в мире.

— **Признайтесь, вы сейчас лучше относитесь к советским временам, чем в конце 1980-х?**

— В душе я никогда не был диссидентом, антисоветчиком. Мой отец всегда иронически, а в последние годы — неприязненно относился и к тем, кто безоглядно во всем обвиняет Сталина, и к тем, кто готов уничтожить до основания все советское. И я в душе понимал, что он прав, даже, когда спорил с ним по молодости. Но в то же время, я видел недостатки, слабости того времени, той системы. Ведь было много дурного. И лжи хватало, и цензура свирепствовала. Хотя во многом, как оказалось, по делу. Самое главное, что всё познается в сравнении. И сегодня, побывав во многих странах мира, я могу сказать, что советская основа была более здоровой, чем то, что мы видим в Штатах, в Европе, в Азии и в современной России. Это была, как выясняется, замечательная страна и я рад, что именно она нас воспитала. Вспомним, ведь тогда во главу угла ставились правильные ценности, по сравнению с которыми нынешние — просто какое-то мракобесие. Уважалась наука. Я все-таки учился в МАИ, хотя и посвящал немало времени самодеятельности, театру, своим первым

писательским опытом. Всё равно я видел, какой великой технической державой был Союз, видел секретные институты, заводы. Какие люди там вкалывали! В последние годы я просто не вижу людей такого высокого класса. Ни у нас, ни за кордоном. Для них хотелось писать. Я считал, что могу повышать им настроение. Потому и пошел в эстрадники. А мог бы стать инженером или, например, историком.

— **Вот и давайте вернемся к истории, хотя и эстрадные рассказы интересны.**

— То, что мне вспомнилось о наших программах и о переменах вкусов зрителей в начале девяностых тоже уже — история. И я в последнее время многое перестал в эстраде понимать. А, если мужчина утверждает, что он перестал что-либо понимать в женщинах, значит, он в них окончательно разобрался. Согласны с этим?

— **Трудно спорить. Думаю, мы сильно недооцениваем эту сторону социальной жизни — массовое сознание, культурные предпочтения аудитории. По ним о многом можно судить, хотя желательно — без перегибов.**

— Мы ведь почти ничего не знаем об истории последних лет. Газеты только путают. Блогеры — снова путают. Остается верить своим глазам и здравому смыслу. А о многом мы узнаем потом, спустя годы.

— **Да, недавняя история — самая таинственная. Ведь ее суть скрывают от нас профессионально. Но, Михаил Николаевич, вы много времени отводите изучению истории праславян, славян, Рюрика. Почему старина так увлекла вас?**

— Наши предки — и совсем далёкие, праславяне, и более близкие нам, славяне VIII—IX веков, как правило, выигрывали сражения. Но проигрывали летописи. То есть